

UNITED WISDOM

Нарцисс: образ, отражение и опасность бытового диагноза

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I-20-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Нарцисс: образ, отражение и опасность бытового диагноза

Эпиграф

> *Будьте исполнителями.*

Послание Иакова, 1:22; краткий фрагмент King James Version, собственный перевод с английского. Текст.

О чём эта статья

Представим условную сцену. Двое возвращаются с ужина, на котором один почти всё время рассказывал о своих успехах. Второй хотел обсудить трудную неделю, но так и не нашёл места в разговоре. Уже дома появляется готовое объяснение: рядом нарцисс. Слово обещает многое сразу: объяснить вечер, восстановить справедливость, предсказать будущие отношения. Вместе с объяснением оно незаметно меняет масштаб: речь теперь идёт о всей личности человека, хотя пока описан один разговор.

Античный образ Нарцисса позволяет увидеть напряжение между живым человеком и его отражением. Но миф, бытовое обвинение и клиническое понятие принадлежат разным языкам. Эта статья рассматривает, как пользоваться образом, сохраняя точность и право на границу. Для этого не требуется ни оправдывать неприятное поведение, ни устанавливать чужой диагноз. Достаточно различить наблюдаемое действие, его воздействие, возможное объяснение и решение, которое действительно находится в нашей области. Иногда такое различение менее эффектно, чем окончательный ярлык. Зато оно оставляет место для фактов, которые ещё могут изменить картину.

I. У слова есть несколько работ

Название мифа может выполнять разные задачи. В разговоре о литературе оно указывает на героя определённого текста. В личном размышлении помогает собрать несколько переживаний в один образ. В ссоре служит обвинением. В клиническом контексте рядом с ним появляются определения и правила оценки. Эти задачи не становятся одинаковыми оттого, что у них общий корень. Если этого не заметить, литературная выразительность начинает выдавать себя за диагностическую точность, а частное наблюдение приобретает вид окончательного заключения.

В условной сцене ужина можно достаточно уверенно сказать, что рассказ о трудной неделе не состоялся. Можно вспомнить, перебивал ли собеседник, задавал ли вопросы, вернулся ли к оставленной теме. Уже гораздо труднее установить, почему он говорил только о себе. Он мог радоваться редкой удаче, тревожиться, не замечать происходящего или сознательно не интересоваться другим. Перечень возможностей не требует выбрать самую добрую. Он показывает, где кончается наблюдение и начинается версия, которую ещё нельзя считать фактом.

Полезность слова определяется и тем, что оно позволяет сделать. Если после него невозможно назвать конкретное действие, просьбу или предел, объяснение осталось слишком большим. Оно может выражать боль, но ещё не помогает разобраться в отношениях. Напротив, предложение описать повторяющийся разговор не требует бесконечного расследования чужих мотивов. Человек может сказать, что ему не подходит такой способ общения, ещё до ответа на вопрос о причинах. Право на границу не выдаётся только обладателям доказанного диагноза.

Есть и другая опасность: начать запрещать себе всякую оценку, потому что полной картины никогда не будет. Точность не означает молчание. Можно различить грубость, отсутствие интереса, нарушение договорённости и собственное нежелание продолжать встречу. Эти описания достаточно серьёзны сами по себе. Для них не нужна мифологическая печать. Когда масштаб утверждения соразмерен имеющимся сведениям, остаётся возможность и защитить себя, и поправить первоначальное понимание, если появились новые данные. Это не слабость суждения, а его рабочая форма.

II. Отражение и собеседник устроены по-разному

В третьей книге «Метаморфоз» Овидия, в эпизодах Эхо и Нарцисса, герой принимает отражённый образ за желанное существо. Затем он узнаёт себя, но узнавание не прекращает мучительное влечение. Эхо в том же повествовании ограничена повторением услышанного. Это краткое описание конкретной литературной версии, а не история возникновения современной диагностики. Перевод Генри Томаса Райли позволяет прочитать эпизод; психологические выводы о современных людях не содержатся в самом факте существования этого сюжета.

Для нашего размышления существенна разница между отражением и собеседником. Отражение отвечает ровно в той форме, которую ему придали наши движения. Другой человек способен задержаться, не согласиться, изменить тему, увидеть то, чего мы не увидели. Такая самостоятельность бывает неудобной. Она нарушает красивую согласованность разговора. Но именно благодаря ей встреча может сообщить нечто

новое, а не только подтвердить уже подготовленное представление о себе. Это предлагаемое здесь различение, а не доказанная универсальная теория отношений.

Представим условный рабочий разговор. Руководитель спрашивает, довольна ли команда новым планом, но принимает только благодарные ответы. Замечание о перегрузке переводится в недостаток лояльности. В такой ситуации люди постепенно получают выбор между подтверждением желанного образа и последствиями несогласия. Назвать эту структуру можно без заключения о внутреннем устройстве руководителя. Здесь важны правила разговора: разрешено ли назвать препятствие, влияет ли информация на план, сохраняется ли за говорящим право иметь отдельное суждение. Эти вопросы имеют наблюдаемые ответы.

Метафора зеркала становится полезной, когда возвращает внимание к структуре встречи. Она становится опасной, когда превращается в устройство чтения мыслей. У человека нет права требовать, чтобы другой всегда подтверждал его достоинство. Но и всякая просьба о внимании не является таким требованием. Иногда человеку нужно, чтобы его просто дослушали. Различие обнаруживается в возможности обмена: может ли ответ оказаться самостоятельным и всё же остаться допустимым. Здесь образ помогает поставить вопрос, но не заменяет наблюдение за ответом.

Отдельно стоит сохранить различие между отказом во взаимности и жестоким обращением. Если в условной современной сцене один влюблён, а другой не отвечает тем же, отсутствие взаимности само по себе не является проступком. Никто не обязан предоставлять желанное чувство в награду за чужую преданность. При этом способ отказа можно обсуждать отдельно: он бывает ясным, уклончивым или унижающим. Нельзя требовать любви вместо уважения; нельзя и прикрывать унижение правом отказать. Это этическое различение нашей статьи, а не попытка переписать античный сюжет под современные правила отношений.

III. Узнать себя не значит уже изменить поступок

В популярных рассказах о внутренней работе узнавание нередко выглядит финалом. Человек увидел, что происходит, назвал своё поведение, и потому как будто перешёл на другую сторону проблемы. Между тем признание может остаться словесным событием. Оно имеет значение, но ещё не сообщает, как будет устроен следующий разговор. Иногда ясная фраза даже становится новым способом закончить обсуждение: теперь всё объяснено, поэтому о последствиях говорить больше не требуется. Для отношений это существенная разница между пониманием и изменением.

В нашей условной сцене собеседник может наутро признать, что слишком увлёкся рассказом. Это лучше, чем спорить с каждым наблюдением. Однако второй человек всё

ещё не рассказал о своей неделе. Содержательный ответ на признание поэтому может быть простым: найти время, выслушать и не превращать услышанное в повод снова говорить о себе. Такое действие не является тестом на хорошую личность. Оно отвечает на конкретный незавершённый эпизод. Его масштаб меньше глобального преображения, но результат можно увидеть и обсудить.

В Послании Иакова, 1:22–25, образ смотрящего в зеркало включён в различение слушания и исполнения слова. Это христианская нормативная рамка, а не психологический эксперимент. Для редакционного сопоставления она ставит вопрос о переходе от услышанного к поступку. Мы не утверждаем, что автор послания объясняет Овидия или что два текста описывают одну клиническую проблему. Их можно сопоставить по ограниченному вопросу: что следует за узнаванием и чем это продолжение отличается от самого узнавания.

Из такого сопоставления не следует обязательство немедленно выполнить любую предъявленную просьбу. Человек может услышать её, понять воздействие своего поведения и всё же обозначить собственный предел. Важен ответ на реальное содержание разговора, а не заранее назначенный ритуал согласия. Извинение, уточнение, отказ и предложение другого времени могут быть разными честными ответами. Пустым оказывается не отказ сам по себе, а отсутствие связи между словами и последующим обращением с ситуацией. Это связь, которую участники могут проверять без мифологического суда.

IV. Клиническое слово требует своего основания

В профессиональном Merck Manual нарциссическое расстройство личности описывается через устойчивый паттерн и клинические критерии. Прочитаны определение и диагностический раздел актуальной страницы, а не первичное исследование и не полный DSM. Отсюда следует ограниченный вывод: клиническое понятие нельзя свести к одному неприятному вечеру, селфи или отказу согласиться. Эта статья не предлагает читателю ставить диагноз себе либо другому по перечню признаков. Художественный образ и медицинская оценка требуют разных оснований.

Бытовой ярлык часто работает быстрее наблюдения. После его появления любое новое действие может быть истолковано в пользу первоначального вывода. Человек спорит — значит, не способен принять критику. Соглашается — значит, умеет притворяться. Не отвечает — значит, наказывает молчанием. Отвечает подробно — значит, хочет запутать. Такой способ рассуждения становится замкнутым не потому, что каждое предположение обязательно ошибочно, а потому, что заранее исчезают условия его пересмотра. Версия перестаёт быть версией, когда никакое наблюдение уже не может ей противоречить.

Однако отказ от бытовой диагностики не обязывает сомневаться в каждом своём переживании. Если обещание нарушено, обещание нарушено. Если вас перебивают, можно попросить дать закончить. Если общение сопровождается унижением, это достаточный предмет для решения о пределах контакта. Неизвестность относительно клинического объяснения не превращает воздействие в выдумку. Здесь особенно важно удержать две разные вещи: мы можем не знать устройства чужой личности и при этом знать, что происходящее нам не подходит. Одно не отменяет другого.

Наконец, диагноз не должен служить моральной классификацией, разделяющей людей на достойных и недостойных отношения. Статья не делает выводов о прогнозе лечения, распространённости расстройства или биографии его носителей. Для таких утверждений потребовалось бы отдельное исследование. В нашем поле остаётся более узкий вопрос: что известно в данной встрече, что предположено и какую ответственность несут участники за конкретное поведение. Это ограничение не обедняет разговор. Оно освобождает его от задачи доказать больше, чем требуется для доступного решения.

V. Не всякая забота об образе означает замкнутость

Человек может выбирать удачную фотографию, радоваться похвале, переживать из-за своей речи и хотеть произвести хорошее впечатление. Эти действия сами по себе не устанавливают ни клиническое состояние, ни нравственный порок. Образ участвует в обычной социальной жизни: письмо имеет адресата, выступление имеет аудиторию, одежда бывает частью роли. Вопрос начинается там, где образ становится единственным допустимым основанием встречи, а всё несовпадающее должно исчезнуть. Тогда нужно исследовать конкретные правила взаимодействия, а не запрещать себе видимость вообще.

Представим условную художницу перед выставкой. Она внимательно выбирает работы, просит знакомого проверить текст, тревожится, как будет выглядеть в глазах посетителей. Это ещё ничего не говорит о её способности интересоваться другими. Она может спокойно принять замечание о плохо освещённой картине, не согласиться с оценкой композиции и поблагодарить за помощь. Согласие со всем здесь не является мерой зрелости. Существеннее, остаётся ли у замечания право быть рассмотренным и отличается ли несогласие от наказания за отдельную позицию.

Полезно различать представление и подмену. Представление отбирает: невозможно рассказать о себе всё одновременно. Подмена требует, чтобы выбранная часть считалась исчерпывающей реальностью. Например, профессиональная страница может показывать компетенции и проекты, оставляя семейную жизнь за пределами публикации. Это граница жанра. Но если заявленная компетенция не подтверждается работой, красивое оформление уже не решает вопрос. Тогда проверяются результаты и

основания заявления. Нельзя установить подмену по самому существованию страницы; нельзя и подтвердить компетенцию её внешней убедительностью.

Тот же принцип применим к себе. Иногда желание исчезнуть из поля зрения выглядит более благородным, чем желание понравиться, но тоже может быть связано с постоянным воображением чужого суда. Мы не объясняем таким образом все случаи закрытости. Предлагается лишь вопрос: действие отвечает моей задаче или преимущественно обслуживает недоказанный сценарий оценки? Ответ может различаться в разных обстоятельствах. Освобождение от власти образа не обязательно выглядит скромно. Иногда оно означает спокойно показать работу, а иногда — отказаться от ненужного представления.

VI. Обратная связь имеет содержание и условия

Самостоятельный голос другого человека важен, но из этого не следует обязанность принимать всякое суждение о себе. Замечание может быть точным, поверхностным, грубым, заинтересованным или просто не относиться к вашей задаче. Поэтому выход из зеркального круга не равен передаче права последнего слова любому зрителю. Обратная связь требует различения содержания и способа предъявления. Можно признать ошибку в работе, не соглашаясь с унижением. Можно не согласиться с оценкой и всё же проверить конкретный пример, на котором она построена.

В условной рабочей сцене коллега говорит, что вы не умеете слушать. Вместо немедленного опровержения или капитуляции можно спросить, какой момент он имеет в виду. Если речь идёт о вчерашнем совещании, разговор получает место и время. Возможно, вы действительно перебили его перед завершением важного объяснения. Возможно, обсуждение уже вышло за согласованный срок, а решение требовалось немедленно. Контекст не стирает воздействия, но помогает определить, что именно можно изменить: манеру прерывания, правила встречи, распределение времени или порядок принятия решения.

В первом разделе «Энхиридиона» Эпиктета, в переводе Элизабет Картер, репутация отличается от собственных действий и суждений. Это стоическое нормативное различение, а не доказательство полного контроля человека над обстоятельствами. Для нашего вопроса оно предлагает ограниченную точку сопоставления: чужую оценку нельзя просто назначить по своему желанию. Здесь не предлагается перестать учитывать последствия или отказывать другим в значимости. Отсутствие власти над всей оценкой и наличие ответственности за собственный поступок могут существовать одновременно.

Рабочая обратная связь потому и не похожа на неподвижное зеркало, что сохраняет несколько центров. Вы уточняете своё действие, другой уточняет его воздействие, оба могут поправить описание. Если одному участнику заранее положено только признать ошибку, обмен уже заменён церемонией. Если никто не способен назвать собственный вклад, разговор может остаться обменом обвинениями. Между этими крайностями есть возможность обсуждать маленький фрагмент достаточно подробно, чтобы следующий эпизод действительно мог отличаться. Для неё необходимы условия, в которых отдельный ответ не становится автоматически проступком.

VII. Граница не требует объяснить всего человека

Существует соблазн сначала разгадать другого, а затем решить, что делать. Как будто право отказаться от разговора, изменить договорённость или сократить контакт появится только после полного объяснения причины. Такая последовательность часто недоступна уже логически: внутренние мотивы другого человека не находятся в нашем распоряжении. Тем не менее условия собственного участия можно определить. Это не обещание лёгкого решения. У отношений бывают материальные зависимости и ограничения. Но описывать доступные варианты можно без окончательного суждения о чужой природе.

В условном примере человек просит не обсуждать его внешность за семейным столом. Ответом становится шутка о чрезмерной чувствительности. Чтобы повторить предел, ему не требуется доказать, что говорящий стремится доминировать или обладает расстройством. Достаточно связать просьбу с конкретным поведением: такие комментарии нежелательны; при их продолжении разговор будет прерван. Насколько доступно прервать встречу, зависит от обстоятельств. Если это невозможно, можно искать меньший предел: сменить тему, сократить время, заранее договориться с поддерживающим участником. Эти варианты не объявляются обязательными.

Граница отличается от попытки воспитать тем, что описывает собственное участие, а не обещает исправить другого. Она также отличается от тайного теста. Если заранее придумать ситуацию, в которой собеседник обязан проявить заботу нужным способом, результат может оказаться неоднозначным. Прямое сообщение о важном условии даёт более ясное основание для наблюдения. Это редакционное предложение, а не универсальная формула безопасности. В обстоятельствах угрозы или принуждения обычный разговор о пределах может быть недоступен; статья не назначает открытое объяснение обязательным способом действовать.

Нужно оставить место и для отказа другого. Он может не принять предложенное условие; тогда требуется решение о совместимости, а не доказательство его испорченности. Разумеется, отказ бывает болезненным и может завершить отношения.

Но несовпадение условий не всегда раскрывает скрытый диагноз. Когда это различие сохранено, человек получает право сказать, что конкретный формат ему не подходит, не превращая собственное решение в судебный приговор. Такая форма может быть твёрдой без претензии знать всё, что находится за чужим ответом.

VIII. В собственном отражении тоже можно застрять

Образ Нарцисса легко направить на другого и гораздо труднее применить к своему способу рассказа. Условный герой после неудачного ужина может много раз пересказывать, как его не услышали. В каждом пересказе он всё точнее выглядит внимательным, а собеседник всё полнее совпадает с готовым объяснением. Этот рассказ может поддерживать его и помогать назвать важное. Но полезно заметить, остаются ли в нём факты, не укладывающиеся в выбранный образ. Иначе поиск выхода начинает обслуживать сохранение уже построенного портрета участников.

Проверка собственного рассказа не должна превращаться в самоунижение. Не требуется обнаруживать у себя ту же вину, чтобы иметь право на претензию. Можно задать более узкий вопрос: что в моём описании относится к событию, а что — к обобщению? Был ли это единственный такой вечер? Сообщал ли я, что хотел поговорить? Изменилось ли поведение после сообщения? Эти вопросы не отменяют ответственности другого. Они помогают соотнести вывод с материалом. Иногда проверка усилит первоначальное решение, иногда потребует изменить его основание.

Есть особый вид зависимости от образа собственной разумности. Человек настолько хочет быть тем, кто всё понимает и никого не осуждает, что не позволяет себе признать несовместимость. Он всё объясняет, терпеливо находит версии и откладывает решение без срока. Такая поза тоже может стать неподвижной картинкой, хотя внешне выглядит противоположностью самовлюблённости. Здесь речь идёт о возможном редакционном чтении, а не о диагнозе терпеливым людям. Полезный вопрос остаётся практическим: помогает ли объяснение выбирать или каждый раз возвращает к невозможности поставить предел?

Вернуться к себе значит в данном контексте не обнаружить безупречное внутреннее лицо, а восстановить доступ к действию и пересмотру. Иногда это признание собственного резкого ответа. Иногда — уточнение просьбы. Иногда — решение больше не участвовать в разговоре, где никакое уточнение не рассматривается. Смысл зависит от фактов, а не от того, насколько красиво выбранный поступок выглядит в истории о себе. Образ становится инструментом, когда допускает изменение рассказа. Когда изменение запрещено, инструмент начинает выполнять работу охраны собственного отражения.

IX. Живое отношение оставляет возможность нового

К начальной сцене можно вернуться с более скромным, но более точным вопросом. Вместо поиска окончательного имени для собеседника спросить, возможен ли здесь разговор, в котором оба имеют место. Ответ будет складываться из событий. Один вечер ещё не устанавливает всё будущее; множество повторений нельзя каждый раз объявлять случайностью. Важны конкретные просьбы, доступные условия и фактический ответ. Это не подсчёт добрых поступков и не скрытая экзаменационная таблица. Это попытка понять, существует ли нужный человеку формат отношений.

Возможность нового означает, что наблюдение способно влиять на картину. Собеседник может вернуться к пропущенной теме и выслушать. Может признать её важность, но попросить другое время. Может снова перевести разговор на себя. Каждая последовательность даёт разные сведения. Не нужно заранее обещать, что терпение всё исправит. Не нужно и превращать первую неудачу в доказательство невозможности общения. Масштаб решения выбирается по масштабу задачи и уже известного поведения, с учётом реальных последствий и собственных ресурсов.

Для человека, который говорил весь вечер, этот вопрос тоже открыт. Можно защитить образ внимательного партнёра длинным объяснением своей усталости. Можно ответить на незавершённую ситуацию: спросить о неделе, дать закончить и потом уточнить, правильно ли услышано. Второе действие не делает человека окончательно зрелым. Оно показывает лишь то, что сейчас в разговоре появился отдельный голос. Именно маленькое, ограниченное свидетельство иногда важнее большого рассказа о себе. Оно позволяет продолжить проверку отношения без требования немедленно установить всю личность.

Античный образ сохраняет силу, когда не превращается в готовый ключ ко всем людям. Он позволяет спросить, где мы встречаем реального другого, а где добиваемся согласованного отражения. Но ответ получается в конкретной жизни, а не извлекается из имени героя. Миф помогает увидеть напряжение; клиническое понятие требует отдельной оценки; личная граница отвечает на условия собственного участия. Если эти три работы различены, можно отказаться от грубого ярлыка и сохранить твёрдость. Встреча остаётся открытой ровно настолько, насколько для этого существуют действительные основания.

Что это значит на практике

Возьмите один конкретный разговор, если хотите его разобрать. Запишите, что было сказано или сделано, как это повлияло на вас и какое обобщение вы добавили позднее. Не требуется собирать досье. Достаточно увидеть, относится ли ваша задача к пропущенной теме, повторяющемуся способу общения, нарушению договорённости или несовместимым условиям контакта. Разные задачи требуют разных решений.

Если обычный разговор доступен, можно назвать одно условие: дать вам закончить, вернуться к теме, отказаться от определённых комментариев. У другого остаётся право на ответ, у вас — право оценить, подходит ли он. Заранее определите, какое наблюдение могло бы изменить вашу версию и какой предел сохраняется независимо от объяснения. Это помогает отличить проверку от охоты за подтверждением.

Завершение такого разбора не обязано быть примирением или разрывом. Результатом может стать уточнённая просьба, меньшее участие, пауза либо понимание, что сведений пока недостаточно. В начальной сцене важен не победивший портрет, а возможность наконец поговорить о пропущенной неделе — или честно признать, что нужного места для неё здесь нет.

Ключевая цитата

> *Изобилие сделало меня бедным.*

Овидий, «Метаморфозы», III, эпизод Нарцисса, речь около стихов 463–466; перевод Генри Томаса Райли, 1851, текст из переизданий 1893/1899 на Project Gutenberg; собственный русский перевод короткого фрагмента. Издание. Цитата относится к речи героя, а не к клиническому определению или авторскому совету читателю.

Связи между традициями

Сопоставление	Точка соприкосновения	Существенная граница
Овидиев образ ↔ редакционное размышление	Образ побуждает различить отражение и самостоятельный ответ.	Современное применение предложено нами; миф не устанавливает диагноз.
Иаков ↔ Овидий	Вопрос о том, что происходит после узнавания.	Христианское исполнение слова и литературная трагедия имеют разные основания.
Эпиктет ↔ современная обратная связь	Репутация и собственное действие не тождественны.	Стоическое предписание не доказывает полного контроля или независимости от среды.
Клинический справочник ↔ бытовое слово	Общий термин нуждается в уточнении масштаба.	Клинические критерии не подменяются неприятным эпизодом.
Личное размышление ↔ межличностная граница	Можно проверить свою версию и определить условия участия.	Самопроверка не требует признать общую вину или отказаться от защиты.

Сопоставления ограничены указанными вопросами; историческое влияние, единство учений и эффективность предложенного упражнения здесь не доказаны.

Первоисточники

1. Овидий. «Метаморфозы», III. Генри Томас Райли, перевод 1851; электронный текст основан на переизданиях 1893/1899. Прочитаны эпизоды Эхо и Нарцисса и сведения об издании. Комментарии Райли не выдаются за античный текст; весь том не прочитан.

2. Послание Иакова, 1:22–25, KJV. Прочитан только указанный фрагмент; религиозная нормативная рамка, не исследование поведения.

3. Эпиктет. «Энхиридион», §1. Перевод Элизабет Картер, Internet Classics Archive; прочитаны заголовок и §1, также выборочно §4–17. Использовано только различение репутации и собственных действий, не весь стоический корпус.

4. Mark Zimmerman. Narcissistic Personality Disorder, Merck Manual Professional. Проверены авторство, обновление января 2026, определение и диагностический раздел. Клинический справочник, не первичное исследование, не полный DSM и не оценка участников условных сцен.

Для конкретных электронных копий общий международный статус прав не установлен; сохранён UNKNOWN. Bible Gateway помечает KJV как Public Domain, Project Gutenberg указывает свою лицензию и территориальную оговорку. Полные тексты источников не перепечатываются. Явно исключённые переводы Sujato/SuttaCentral не использованы.

Теги

Нарцисс, Овидий, Метаморфозы, Эхо, отражение, миф, образ, атрибуция, интерпретация, самоописание, репутация, обратная связь, разговор, слушание, внимание, самостоятельность, границы, диагноз, клинические критерии, UNKNOWN, Иаков, христианство, Эпиктет, стоицизм, условная сцена, наблюдение, гипотеза, действие, пересмотр, отношения

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.